

Рассвет занимался, и очертания усадьбы, словно омытые водой, постепенно становились отчетливее. Лишь эта комната оставалась окутанной густым мраком, а её дверной проем казался размытым и зловещим.

Сюань Минь, как и Сюэ Сянь, почувствовал необычайно сильную иньскую энергию, исходящую отсюда.

В хорошем доме даже в юго-западном углу, где обычно скапливается тень, не должно быть так мрачно. Здесь определенно крылось что-то странное.

Не удостоив советника Лю даже взглядом, Сюань Минь направился к ветхой комнатухе.

Помешанный Лю Чунь почесал затылок, явно не понимая, зачем гостю понадобилось заходить в его покои. Он в растерянности постоял на месте, но тут, словно найдя себе товарища для игры, оживился. Ощупывая стены, он неуклюже затопал следом за Сюань Минем.

Двадцатилетний парень совершенно не умел ходить степенно: его походка была шаткой, а попытки поравняться с Сюань Минем выглядели крайне беспокойно — то он забежал вперед, то отставал на несколько шагов. Впрочем, его взгляд был сосредоточен: с начала и до самого конца он не отрывал глаз от пояса Сюань Миня, словно увидел там какое-то невиданное сокровище.

Глаза дурачка были прикованы не к чему иному, как к отверстию потайного кармана.

Сюэ Сянь, притаившийся там, почувствовал, как у него от этого пристального взгляда волосы встают дыбом, а всё тело охватывает дискомфорт. И как назло, скрыться или спрятаться глубже он не мог. Не станет же он шевелиться, пока этот безумец так пристально на него смотрит? Напугать его — полбеды, а вот если тот от избытка чувств выкинет что-то, чего не предусмотреть, будет совсем худо.

До комнаты было недалеко, и длинноногий Сюань Минь в два счета оказался у дверей.

С того места, где находился Сюэ Сянь, через приоткрытую дверь был виден уголок комнаты, и увиденное заставило его вздрогнуть. У порога высилась целая гора желтоватых предметов. На первый взгляд они напоминали золотые слитки, но стоило присмотреться, как становилось ясно: это вовсе не настоящее золото, а обычная бумага.

Та самая маслянистая желтая бумага, из которой складывают подношения для мертвых!

Пока Сюэ Сянь пребывал в изумлении, Лю Чунь, всё это время крутившийся рядом, вдруг подал голос:

— М-м... можно мне с этим поиграть?

Сказав это, он указал на пояс Сюань Миня.

Сюань Минь опустил взгляд, не сразу сообразив, что именно привлекло внимание юноши.

— Желтая бумага, — снова показал Лю Чунь.

На этот раз Сюань Минь понял: тот указывал на бумажного человека, притаившегося в потайном кармане.

Сюэ Сянь: «...Что за черт?! Этот дурак совсем страх потерял? Истинного Дракона, наделенного чешуей и рогами, вздумал за игрушку держать?! Жить надоело?»

Что толку с глупца? Бумага в его руках превратится в клочья за секунду, одно неловкое движение — и от него останутся только ошметки!

Сюэ Сянь представил себе эту картину, и некое сокровенное место невольно отозвалось невыразимой болью. Не раздумывая больше, он просунул одну руку обратно в карман и сквозь белую льняную ткань больно ущипнул лысого монаха, подумав: если ты посмеешь отдать меня, я не прощу тебя, даже если придется перевернуть небо и землю!

Сюань Минь: «...» Как этот вредный дух может быть таким...

Сюэ Сянь, боясь, что тугодум-монах не поймет намека, дождался, пока Лю Чунь отведет взгляд, и бесшумно перевернулся. Теперь нарисованное лицо бумажного человечка смотрело вверх, а чернильные глаза в упор уставились на монаха.

Рисунок, конечно, не сравнится с живым лицом, да и мастерство Сюэ Сяня в живописи едва ли тянуло на оценку сносное — до совершенства было далеко. Так что глазам недоставало львиной доли живости.

Сюань Минь, получив довольно ощутимый щипок, холодно опустил взгляд, намереваясь приструнить строптивого духа, как вдруг столкнулся с этими нарисованными глазами. Встреча оказалась совсем неожиданной.

Вид лежащего навзничь бумажного человечка с застывшим безразличным взглядом черных глаз пугающе напоминал покойника, который даже после смерти не может закрыть очи.

Сюань Минь: «...»

За свою жизнь ему приходилось умирять немало злых духов, и большинство из них до поимки были строптивыми, а после — почтительными и послушными, дожидаясь очищения. Но Сюэ Сянь был первым, кто даже будучи пойманным, не сидел смиренно и вел себя так, словно он

здесь хозяин, постоянно проявляя излишнюю активность.

Сюань Минь всегда считал, что каждое слово и поступок этого духа несут в себе столько красок, будто он один разыгрывает целый спектакль.

Задержав взгляд на бумажном лице лишь на мгновение, он двумя пальцами вытащил человечка из кармана.

Сюэ Сянь: «...Я тебе это припомню!»

Пальцы Сюань Миня вовсе не походили на руки человека, привыкшего к мирской суете: длинные, прямые и тонкие, они казались чистыми, будто к ним никогда не прикасалась скверна. Они не походили на руки монаха из горного храма, и уж точно — на руки бродячего монаха; скорее, они напоминали руки знатного аристократа, привыкшего к роскоши.

Однако сейчас Сюэ Сяню было не до разглядывания чужих рук.

Сюань Минь протянул пальцы, держа бумажную фигурку перед самым носом Лю Чуня.

Сюэ Сянь: «...Придет день, я выслежу тебя в грозу и буду бить молниями! Каждое утро и каждый вечер!»

— Это? — равнодушно спросил Сюань Минь.

Сюэ Сянь: «...Если я не превращу тебя, лысый, в уголек, то сменю имя на Четвероногого Гада!»

— Угу, — Лю Чунь энергично закивал, и на его лице появилась глуповатая улыбка.

Сюэ Сянь: «...Чего лыбишься, придурок!»

Уже готовый было протянуть руку, чтобы забрать бумажку, Лю Чунь вдруг замер, а Сюань Минь, всё с тем же невозмутимым видом, покачал головой:

— Нельзя.

Хоть на что-то ума хватило.

Сюэ Сянь, до этого момента яростно рычавший про себя, внезапно обмяк. Натянутое, как струна, тело бумажного человечка тут же повисло на пальцах Сюань Миня, перейдя из состояния полупаралича в полный расслабон.

Лю Чунь с предельной серьезностью смотрел на Сюань Миня и снова кивнул, хотя выражение его лица было полно сожаления. Он совершенно не ведал светских условностей, не понимал, что такое вежливость или сдержанность. Всё свое разочарование он выплескивал прямо наружу.

У людей с такими недугами каждое движение медленнее, чем у обычных, меньше ловкости, но больше искреннего упорства. Когда они смотрят на человека, произносят слова или кивают, они всегда вкладывают в это слишком много сил.

Неловко, но оттого особенно пробирает до глубины души.

Сюэ Сянь, висящий на пальцах Сюань Миня, как кусок переваренной лапши, лишь мельком взглянул на Лю Чуня. Ему показалось, что этот дурачок заразен, и если он посмотрит еще хоть раз, то сам не выдержит и прыгнет к нему в руки.

Вот была бы потеха!

Однако его поразило другое: монах оказался еще прямолинейнее. Он не только проигнорировал разочарование на лице юноши, но и без всяких обиняков направился в его комнату.

К счастью, перед входом он всё же вспомнил о приличиях и слегка кивнул хозяину.

Сюэ Сянь: «...Лишнее слово его бы убило, а этот дурак вряд ли поймет, что значит мой кивок».

Его насмешка не успела дозвучать, как Лю Чунь уже вернулся в комнату и, радостно поманив Сюань Миня, позвал:

— Заходи! — он выглядел как ребенок, нашедший себе товарища по играм.

Сюэ Сянь: «...»

Он с досадой скривился и решил, что лучше ему просто висеть смирно.

После того как Сюэ Сяня несколько раз встряхнуло, он наконец смирился и затих.

Лю Чунь распахнул приоткрытую дверь настежь, и вид внутри предстал перед вошедшими без прикрас: желтых бумажных слитков было здесь куда больше, чем Сюэ Сянь предполагал. Они были повсюду — не только у двери, но и по всей комнате, так что ступить было почти некуда.

Советник Лю, казалось, был крайне раздражен. Увидев обстановку в комнате старшего сына,

он с недовольным видом отвернулся. Он даже не собирался входить, остановившись в десяти шагах от порога, заложив руки за спину.

Вероятно, ему было нелегко: с одной стороны, он надеялся, что Сюань Минь поправит фэншуй в усадьбе, с другой — хотел поскорее выставить этого не понимающего тонкостей монаха за дверь.

Любой, кто хоть немного разбирался в людях, в такой момент проявил бы деликатность, чтобы избежать неприятностей. Но монах ничего не понимал. Да что там — он даже не удосужился взглянуть на остальных!

Советника Лю это почти приводило в бешенство.

Но Сюань Миня это ничуть не заботило. Пусть советник хоть на сто шагов отойдет — ему это не мешает войти в комнату.

Обстановка в комнате Лю Чуня была самой примитивной: ни дать ни взять — каморка слуги, а не покои старшего сына в доме советника. Стол, два деревянных стула да кровать, которая для Лю Чуня была откровенно тесновата.

Комнатушка размером с ладонь была нелепо разделена перегородкой, отделявшей спальное место от стола, отчего казалась еще более тесной.

Вещи внутри выглядели так, будто им уже не один десяток лет — серые, обшарпанные, лишенные красок. Единственным ярким пятном были эти повсюду разложенные бумажные слитки.

Сюань Минь опустил руку и поднял один из них, повертев в пальцах.

Сюэ Сянь, болтавшийся на другом пальце монаха, висел довольно низко, и, поскольку он был повернут лицом вверх, ему удалось разглядеть, что написано на донышке слитка.

Там было написано три знака: «Отец», «Вечер», «Вечер».

Сюэ Сянь: «...Что за белиберда?!»

Лишь доругавшись, он понял, что это не три знака, а один — «Отец», просто написанный неуклюжей рукой дурачка, чьи иероглифы распадались на части.

Однако, увидев такой слиток, он внезапно понял, почему советник Лю так немил к сыну. Писать имя живого отца на похоронных подношениях — это всё равно что проклинать его. Впрочем, глядя на простодушного Лю Чуня, можно было догадаться, что тот делал это лишь

ради забавы.

Вскоре, однако, Сюэ Сянь забрал свои мысли назад.

Сюань Минь поднял еще несколько слитков, и на каждом из них были написаны слова, столь же неумело разделенные на части.

Скучающий Сюэ Сянь принялся считать: семь слитков, два — «отец», три — «мать», два — пустые.

...Что за странная привычка?

По тому, как Сюань Минь собирал слитки, Сюэ Сянь начал кое-что понимать: этот Лю Чунь, хоть и дурачок, знал толк в сортировке. Куча у двери, видимо, вся была для папаши-советника, а та, что у стола — для матери. Разбросанные по полу, по-видимому, еще не дождались своей участи.

Тогда... чьи слитки лежат у кровати?

Очевидно, не только Сюэ Сянь это заметил. Осмотрев груды в первой комнате, Сюань Минь направился в ту часть, где стояла кровать.

Стоило им войти внутрь, как Сюэ Сянь от нахлынувшей иньской энергии чихнул.

Лю Чунь: «...???»

Он долго смотрел на бесстрастного Сюань Миня, затем с недоумением перевел взгляд на его пальцы, пытаясь понять, почему звук чихания исходил оттуда.

Впрочем, ни Сюань Миню, ни Сюэ Сяню было не до того. Оба они были поражены тяжелой иньской аурой в этой части комнаты и одновременно уставились на кучу бумажных слитков у кровати.

Сюань Минь нахмурился, подошел к ним и поднял один слиток.

В этот раз на дне было написано не отец и не мать, а огромное пятно чернил. Видимо, здесь было что-то более сложное, разлившееся в сплошную кляксу.

Сюань Минь поднял еще два — та же картина.

Впрочем, на одном из них чернила расплылись не так сильно, и Сюань Минь с трудом разобрал

половину иероглифа «Лю».

Он мало знал о семье советника, и на ум приходили только сам советник и его сыновья. Однако судя по кляксам, это были не Лю Сюй, не Лю Чунь и не Лю Цзинь.

Как раз когда он наклонился, чтобы подобрать еще один слиток, из потайного кармана что-то выкатилось.

Нечто вскрикнуло «ай!» и, как раздувшийся мех, с грохотом рухнуло на кучу слитков, в мгновение ока превратившись в человека.

У человека была бледная кожа, легкие синяки под глазами и уставший вид книжника. Это был никто иной, как Цзян Шинин.

Он сам, должно быть, не ожидал, что, будучи бумажной фигуркой, вдруг снова станет человеком, и растерянно пробормотал:

— Как это я свалился?

Увидев, что Лю Чунь даже не испугался этого внезапного появления человека из ниоткуда, Сюэ Сянь решил больше не притворяться и ответил:

— Из-за слишком сильной иньской энергии.

Духи любят инь. Цзян Шинин не мог двигаться днем, потому что вокруг было слишком много ян. А инь в комнате Лю Чуня была крепче, чем в старом заброшенном кладбище, так что духу было здесь раздолье.

Однако удивительно, как сам Лю Чунь до сих пор не отдал концы при такой концентрации энергии.

— А ты почему не свалился? — подозрительно спросил Цзян Шинин.

— Увы, я еще не умирал, мы с тобой не одной породы, — огрызнулся Сюэ Сянь.

— Если не умер, то какого черта прицепился к клочку бумаги? — Цзян Шинин решил, что этот Сюэ, должно быть, болен на голову.

Если он не дух, значит, тело его где-то есть. И если тело есть, то с какой стати, от нечего

делать, выходить из него и жить в бумажном облиии? Не болезнь ли это?

Сюэ Сянь, висающий на пальце Сюань Миня, лениво ответил:

— Тебе-то что? Вместо того чтобы болтать, лучше бы поскорее встал.

Этот хилый книжник, став человеком, пусть и худым, как щепка, весил немало. Бумажные слитки не выдержали такой тяжести, просели, и «золотая гора» мгновенно сравнялась с землей.

Оглядевшись и поняв, на что он уселся, Цзян Шинин в ужасе поспешил извиниться перед Лю Чунем:

— Виноват, виноват!

Пока он, карабкаясь, пытался подняться, остолбеневший Лю Чунь наконец пришел в себя. Увидев раздавленные слитки, он издал вопль «А-а!», бесцеремонно оттолкнул Цзян Шинина и, упав на колени, начал бережно расправлять помятую бумагу.

Сила у дурачка была недюжинная, и Цзян Шинин, конечно, не удержался на ногах, покатился в сторону и врезался в деревянный комод.

Комод сдвинулся с места и с грохотом ударился о стену.

Цзян Шинин, весь растрепанный, неловко оперся рукой о пол, собираясь встать и помочь Лю Чуню, но как только надавил на ладонь, шикнул от боли и отдернул руку.

На его ладони образовалась дыра, он болезненно поморщился, но крови не было.

Таково было тело из бумаги: оно позволяло духам стоять на земле и касаться вещей, словно они живые, но было крайне хрупким.

— Откуда под этим комодом взялся гвоздь? — недовольно проворчал Цзян Шинин, а потом, повернувшись в сторону Сюэ Сяня, прошептал: — В следующий раз... если он будет, нельзя ли использовать не бумагу, а воловью кожу?

Сюэ Сянь: «Давай сразу кожу человека натянем».

Цзян Шинин: «...»

Лицо Сюань Миня оставалось невозмутимым, но пальцы слегка шевельнулись, плотно прижав

губы Сюэ Сяня, чтобы тот не продолжал молоть чушь.

Сюэ Сянь: «...»

— Эй, странно... тут на гвозде еще и бумажка, — заметив нечто необычное, сказал Цзян Шинин, когда поднимался.

Сюань Минь нахмурился, подобрал подол монашеского одеяния и присел на корточки.

Там, где комод сдвинулся, на полу виднелся острый наконечник. Сюань Минь оторвал полоску ткани от своего халата и, накрыв ею острие, стер слой грязи. Наконечник проявил себя: судя по медному цвету и трем вертикальным граням, это был медный гвоздь.

Раз он был покрыт таким слоем старой грязи, значит, пробыл здесь не менее двух-трех лет, но при этом ни капли не заржавел — явно не простая вещица.

Более того, на нем была закреплена бумажка, разглядеть которую было сложно.

Сюань Минь, опустив взгляд, смахнул толстый слой пыли льняной тканью — и действительно, это была желтая бумага с начертанными на ней киноварью сложными узорами.

Даже не разбираясь в тонкостях, можно было догадаться, что это такое. Цзян Шинин, остолбенев, принялся отодвигать комод дальше, чтобы открыть остальную часть пола.

Под комодом обнаружили еще три медных гвоздя с желтыми талисманами, направленные на юго-запад, северо-восток и северо-запад.

— Что это за... талисман? Для долголетия и здоровья? — Цзян Шинин застыл рядом с ними, внезапно почувствовав, что его тело охватывает жар.

Это было странно: с тех пор как он стал призраком, он никогда не чувствовал тепла, вечно страдая от холода. А тут вдруг стало так жарко, что он даже почувствовал себя неудобно.

Он испуганно отступил на пару шагов.

Сюэ Сянь, которому не давали раскрыть рта, так и не смог ответить.

Вопрос остался без ответа, и повисла неловкая тишина.

Лишь изучив содержимое всех трех талисманов, Сюань Минь холодно произнес:

— Формация «Забор воды и впадение в море».

Сюэ Сянь: «...Очевидно же».

Шум в комнате встревожил советника Лю. Глядя в дверной проем, он наконец не выдержал и подошел к двери:

— Мастер, что там происходит? Мой глупый сын снова буянит?

Он, по-видимому, терпеть не мог эту комнату: стоял в дверях, не делая ни шага внутрь, и с отвращением косился на кучи слитков.

Сюань Минь поднялся, шагнул через порог в первую комнату и спросил советника:

— Кто живет в комнате на северо-западе?

Советник Лю растерянно посмотрел на северо-восточный угол:

— Там... мои покои.

Сюань Минь взглянул на него и добавил:

— Северо-восток.

Советник Лю: «А? Северо-восток? Там живет мой сын Лю Цзинь. Тот самый, что сегодня утром случайно упал в колодец. Мастер, зачем вы спрашиваете? Неужели с этими комнатами что-то не так?»

Сюань Минь не сразу ответил. Помолчав, он произнес:

— Вы когда-нибудь слышали о Формации «Забор воды и впадение в море»?

На его лице, как обычно, не отражалось ни гнева, ни радости, он спрашивал так же обыденно, как о еде или питье. Но лицо советника Лю вмиг побелело.

Стоя у двери, он долго не мог вымолвить ни слова, окаменев от страха, а затем, бросив быстрый взгляд в сторону комода в дальней комнате, увидел, что тот сдвинут с места. Его лицо стало еще страшнее.

— Э-это... признаться вам, Мастер, я... последние два года чувствую себя... не очень хорошо,

поэтому, поэтому...

Пока советник Лю запинался за дверь, Цзян Шинина в комнате уже не было.

<http://bllate.org/book/21932/2278721>